

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

БАСТИОН

ДРУГИЕ
СОЛДАТЫ ВЕЧНОСТИ

Сергей Иванович Зверев
Другие. Солдаты вечности
Серия «Потерянный взвод», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816877

Зверев С. И. Другие. Солдаты вечности : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64359-2

Аннотация

Обстановка в Другой Чечне – параллельном мире, в который можно попасть только через Тоннель Времени близ села Ведено, – накалилась до предела. Дело в том, что руководители Аль-Каиды устроили там базу по подготовке террористов, а майор спецназа Александр Стольников об этом узнал. Он с группой своих лучших бойцов стал методично истреблять бандитов. Тогда террористы приказали предателю полковнику Ждану уничтожить разведгруппу, а заодно и всех тех, кто в принципе знает о существовании Другой Чечни. Ждан с готовностью бросился исполнять приказ, не подозревая, какую страшную цену ему придется заплатить за свое предательство...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	33
Глава 2	42
Глава 3	66
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Зверев

Другие. Солдаты вечности

Пролог

Потеряв связь с Ибрагимовым, Ждан испытал чувство, сравнимое с тем, какое испытывает человек, оставленный командой на необитаемом острове. Человек Аль-Каиды обещал позвонить вечером, до вечера оставалось несколько часов. Вечер. Что такое вечер? Для того кто желает его отсрочить, он может тянуться и до полуночи. А для того, для кого время тянется как резина, вечер начинается сразу после обеда... На часах – без четверти шестнадцать. Вестей от подполковника Ибрагимова нет уже более двух часов. Ждан чувствовал, что случилось страшное, но не хотел мириться с этим. Ибрагимова больше нет. Нет и его солдат. Это означало, что силовой поддержки, за исключением взвода спецназа, охранявшего вход в тоннель, нет и у него, Ждана.

Еще утром все казалось успешным и безоблачным. А теперь нужно срочно принимать решение. Ждан почувствовал, как спина стала влажной и липкой. Бежать!

Уничтожить все доказательства причастности к организации уничтожения группы Стольников и – бежать! Туда, где не найдут. Он подошел к сейфу. Откинул дверцу и стал вы-

кладывать из ячеек содержимое.

Телефон космической связи – к черту! Теперь это бесполезная и даже опасная игрушка. Паспорт на имя гражданина Франции Жана Кримье, паспорт на имя гражданина Израиля Ниро Кана, паспорт на имя гражданина Греции Григориуса Сопакоса. И паспорт гражданина Российской Федерации Игоря Кружкова. Несколько банковских упаковок евро, несколько банковских упаковок долларов. Плотный запечатанный конверт, в котором ключи от автомобилей, стоящих на подземных стоянках в Марселе, в Афинах и Мадриде. Никелированный «браунинг» – в карман. Вынул и контейнер, не забыв посмотреть на показания датчиков. Все было в порядке: влажность воздуха и температура были неизменны внутри контейнера вот уже семь лет.

Все остальное: документы на домовладения, участки земли, акции, – находится в банке Швейцарии. Не доберутся! Как и до денег. Около ста слитых Аль-Каидой миллионов долларов. Хватит, чтобы жить долго и красиво...

Ждан вынул из шкафчика, стоявшего рядом с сейфом, бутылку виски и присел на стул. Все эти годы он был уверен, что настанет момент, и ему придется идти по кругам, которые прошел Стольников. И не видел Ждан разницы между собой и войсковым разведчиком. Граница, перед которой эта разница была видима и понятна, давно была полковником пересечена.

Он плеснул виски в стакан и проглотил содержимое. К

черту стакан! Приложил горлышко к губам.

Возможность такого развития событий была предсказуема. Но Ждан, который готовился встретить эти события с беспримерным мужеством, вдруг оказался к ним не готов. Все эти годы он понимал, что подобное произойти может. Но случилось все равно до испарины неожиданно.

Была еще надежда, что вместе с Ибрагимовым сгинул и Стольников. Сгинули все разведчики. И, вполне возможно, задача, поставленная исламистами, выполнена. И выполнена на «отлично»! Но стоило ли рисковать? Можно, конечно, остаться и доложить о готовности Другой Чечни стать Священной землей Аллаха... Но вскоре выяснится, что Стольников жив? Что тогда? Тогда Ждану просто отсекут глупую голову. Так что лучше бежать, даже если в Другой Чечне не осталось и упоминания о разведчике! Задание выполнено, а Ждан исчез. «Ну и черт с ним, со Жданом! – скажут... Забудут, обязательно забудут...»

Ждан лгал себе, убеждая, что забудут. Там, в глубине сознания, кипело и жгло – нет! Не забудут. Дадут отсидеться и потерять бдительность. А после разыщут, потратив на это немало сил и средств, и прикончат. Слишком много Ждан знает. Он – носитель бесценной информации. Он подлежит уничтожению, как зараженная бешенством собака.

Но нельзя уйти просто так. В Другой Чечне остался Пловцов. Штурман из группы Стольникова, с которым его теперь связывало больше, чем будущее. С работой Пловцова в Дру-

гой Чечне Ждана связывало вечное будущее. Уйти сейчас означало расстаться с мечтой отыскать Источник.

Источник...

Кто только не искал его, и где только его не искали... Из-за него гибли, теряли рассудок сотни тысяч людей. Что эти домовладения, участки земли и счета, ожидающие прибытия владельца! Это – суета сует, кость, брошенная смертному.

Древнеиндийский эпос «Махабхарата» повествует о соке таинственного дерева, продлевающим жизнь до десяти тысяч лет. В древнегреческих письменах утверждалось, что существует некое «древо жизни», способное возвратить человеку молодость.

В трудах средневековых алхимиков описывались исследования, направленные на поиски «философского камня», превращающего металлы в золото, а также излечивающего от всех болезней и дарующего бессмертие.

И теперь – Святой Грааль... Чаша, высеченная из цельного кристалла изумруда и обладавшая магическими свойствами. Святой Грааль излучает волшебный свет и наделяет своих защитников вечной молодостью и бессмертием. Но до сих пор ни «древо жизни», ни «философский камень», дарующий бессмертие, ни Святой Грааль не найдены. И сколько еще людей ищут их, и сколько подключаются к поискам, чтобы потерять жизнь и веру на этом пути?

А пока отчаянные ищут, умные дожидаются. Пока существует лишь один способ сохранить свое тело до того момен-

та, когда крионика достигнет возможности корректировать все изменения организма, связанные с болезнями и старением. Те, кто могут себе позволить сохранение тела до обнаружения Источника, предпочли земле холодильник. Такое сохранение предполагает создание условий, при которых тело не будет подвержено разложению микроорганизмами, а это достигается при заморозке до температуры жидкого азота. Ждан знал, где находится Клуб Бессмертных. И испытывал непреодолимое желание разморозить некоторых из них и поговорить. Например, Сальвадора Дали. Уолт Дисней полковника не интересовал.

Одна из групп ученых, работающих в НИИ под Ведено, занималась изучением смерти и крионикой. Об этом не знал даже генерал-полковник Зубов, руководитель НИИ и начальник Управления исполнения наказаний по Северному Кавказу. Не знали об этом и люди, стоящие над Жданом. У серьезного человека всегда должны быть маленькие секреты от начальства.

Впервые о Граале миру поведал в конце XII века Кретьен де Труа, и предание с невиданной быстротой распространилось по Европе. Оно гласило, что в загадочной стране есть неприступная гора, на которой возвышается замок Монсальват, «Гора спасения». Путь наверх преграждают бурная река и отвесные скалы. И только чистый сердцем, самоотверженный, помогающий слабым и сражающийся за добро и справедливость, может войти в замок Монсальват, где хранит-

ся величайшая святыня – Грааль. Только победивший соблазны и искушения этого мира и развивший многие добродетели может созерцать Грааль. И то – если будет приглашен. Неудивительно, что начиная с XII века многие пытались попасть в загадочную страну и достичь высочайшей из целей. История этих поисков весьма поучительна: для немногих людей поиск Грааля стал духовным приключением, для большинства же – погоней за вполне конкретным сокровищем, источником власти и бессмертия.

Семь лет назад Ждан, путешествуя в отпуске по Европе и опасаясь встретиться со Стольниковым где-нибудь в Германии или Италии, побывал на аукционе в Милане. Уже и не помнил он, что побудило его выступить участником, но за пять тысяч евро он приобрел письмо византийскому императору Мануилу от неизвестного автора. Уже тогда Ждан, имеющий доступ к финансовым возможностям НИИ, не забывал про свое будущее. Покупка предметов старины гарантировала сохранение нажитого и, что не менее важно, не оставляла следов финансовых операций. Аукционы славятся своим непробиваемым упрямством в отказах правоохранительным системам всех стран в информации о сделках. Ждан обеспечивал свое будущее.

Когда впервые пришла мысль про безбедное будущее? Наверное, в тот майский день две тысячи первого года, когда в Другой Чечне он столкнулся со смертью и вырвался из ее объятий невредимым. Как бы то ни было, письмо им

было куплено и привезено в Россию. В нем, датированном 1165 годом, византийскому императору Мануилу сообщалось неизвестным автором:

«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелителей повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией».

Вполне обычное начало для послания тех времен. Письмо было выставлено на аукцион, разумеется, не потому, что автором его являлся апостол Иоанн, предвидевший апокалипсис. Кто бы поверил в это. И сам факт того, что документ оказался на аукционе и не был выкуплен Церковью, был доказательством непричастности Иоанна к нему. Просто это было древнее, очень древнее письмо. И не стоило бы оно пять тысяч евро, когда бы не упоминание в нем лиц, забыть которые невозможно.

Как бы то ни было, письмо Ждан привез в Россию, а уже потом попросил находящегося в НИИ ученого либо опровергнуть, либо подтвердить заявленный на торгах текст документа.

И вскоре выяснилось, что письмо содержит информацию, которую ценной, и правда, назвать нельзя. Но Ждан не унывал, поскольку важна для него была не столько истинность информации письма, сколько древность самого письма. Через десять лет документ станет гораздо дороже.

В письме описывалось расположенное где-то на Востоке необыкновенное государство, в самом центре которого бьет Источник вечной юности: тот, кто три раза выпьет воды из него, никогда не станет старше тридцати лет. Пресвитер Иоанн спрашивал императора Мануила: «Мы хотим знать и спрашиваем, есть ли у тебя общая с нами истинная вера и придерживаешься ли ты во всех делах Иисуса Христа? Ибо в то время как мы знаем, что мы люди, твои легионы считают тебя богом, а между тем нам известно, что ты смертен и подвержен человеческой бренности».

Ждан испытал любопытство и попросил ученого выяснить подробности ответа, если таковой был. И вскоре получил ответ из Рима. Столь дерзкое обращение к императору не могло остаться без ответа. 27 сентября 1177 года папа Александр Третий пишет Иоанну, и поручает своему верному врачу Филиппу доставить ответ адресату. Врач не вернулся.

Ждан недоумевал. Значит, Церковь была информирована о переписке пресвитера Иоанна и императора Мануила? Почему же тогда не выкупила документ? И вскоре догадался – оплошность! Ватикан никогда не пропустил бы аукцион с подобным лотом на «Кристи» или «Сотби», но аукцион в Милане... Кто бы мог подумать, что письмо всплывет именно там!

Уже зная, что заработает на этом немало, Ждан все-таки поручил ученому добыть для него информацию о предтече

этого письма. Проще говоря, сделать для него экскурсию в прошлое.

Вскоре он узнал, что Источник, о котором не говорилось в письме прямо, но о чем прозрачно умалчивалось, был совсем рядом с Мануилом. По всеобщему убеждению жителей средневековой Европы XIII века хранителями Грааля были катары. Влияние катаров, «чистых», проповедовавших нравственную чистоту, было так велико, что в 1209 году папа Иннокентий III объявил крестовый поход против этих еретиков. Он хотел не столько уничтожить катаров, сколько захватить таинственный Грааль, дававший им несомненное духовное превосходство.

Источник.

Удивительно, но именно в борьбе за чистоту своей веры, построенной на любви к ближнему, Церковь продемонстрировала невиданную до этих пор жестокость. И Ждан понял, что стал обладателем уникального документа. Когда жители окруженного городка Безье отказались выдать папскому легату Амори катаров, он приказал не щадить никого, независимо от сословия, возраста или пола, и без жалости убивать и катаров, и католиков. «Господь Бог потом сам разберется», — сказал посланник папы. Жертвами устроенной резни стали пятнадцать тысяч человек, и среди них было всего две сотни катаров.

Именно во время этого беспрецедентного по жестокости крестового похода в Тулузе был учрежден церковный орган,

призванный в дальнейшем уничтожать неверных. Его именovali Трибуналом инквизиции. Руины последнего оплота катаров, замка Монсегюр во Французских Пиренеях, живут до сих пор. Он считается предпоследним местом обитания Источника потому, что из этой неприступной цитадели во время ее осады таинственно исчезли четверо рыцарей-катаров, которые предположительно увезли с собой величайшее сокровище – Святой Грааль.

Ждан понял, что лет через десять, заявив о документе таким образом, чтобы об этом узнал Ватикан, он выступит на аукционе уже не как покупатель, а как продавец. И не в Милане, а на «Кристи». И вряд ли заявленная стоимость письма будет ниже цены полотна Ван Гога. Он заказал специальный контейнер и поместил в него письмо.

И лежало бы оно там еще долго, до тех пор пока Ждан не счел необходимым получить за него то, что причиталось, когда бы не одно обстоятельство...

Уже давно в Другой Чечне была снесена Крепость, в которой проживали потомки солдат и офицеров роты Черданского полка, вышедшей по приказу Ермолова подавлять восстание в чеченском селе. Большая их часть была переселена в отстроенный в соответствии с современными требованиями жизни поселок Южный Стан. Оставшиеся разбежались и, как считали Зубов и Ждан, погибли. Уже отстроена была тюрьма «Мираж» и выполняла возложенную на нее миссию – принимала вывезенных с территории России и дру-

гих стран террористов и обеспечивала работу с ними. И лежало бы письмо еще долго, но в один из дней две тысячи девятого года случилась в Южном Стане эпидемия гриппа. Ранее этого заболевания «крепостные» не знали, скорее всего, грипп был занесен в Другую Чечню кем-то из обслуживающего персонала или охранников «Миража». Несмотря на жесточайшие требования, предъявляемые Зубовым к сотрудникам в отношении диспансеризации, вирус был занесен и начал свои разрушительные действия. Умерло пятнадцать крепостных от банального гриппа. И, несмотря на то что медицинская помощь подоспела вовремя, жители были в панике, и болезнь свирепствовала.

Взятые для анализа пробы крови больных подтвердили опасения Зубова – жители Другой Чечни, никогда ранее не страдавшие болезнями, лечение которых в Чечне Обычной протекает быстро и просто, подверглись серьезному испытанию. Генерал-полковник назначил Ждана ответственным за проведение операции по дезинфекции Другой Чечни. И вот однажды, изучая данные, Ждан выслушал доклад одного из медиков. Тот был удивлен составом крови, взятым на пробу у обитателей Другой Чечни.

– А что вам показалось странным? – спросил тогда Ждан.
– Состав крови.
– Я не понимаю. Говорите так, чтобы я понял.
– Чем дольше человек живет, – сказал доктор, – тем сильнее вилочковая железа вытесняется жировой тканью. Этот

орган производит Т-лимфоциты. Данные клетки в ходе жизни трансформируют свою ДНК, подстраивая себя под обнаружение различных патогенов. Вот...

Ждан кивнул.

– Часть ДНК каждого Т-лимфоцита при этом остается неиспользованной и собирается им в кольцо. С возрастом число таких маркеров убывает, потому что производится все меньше самих Т-лимфоцитов...

– Можно я вас перебую? – поинтересовался Ждан. – Вы, когда говорите мне это, должны принимать во внимание, что я – офицер Управления исполнения наказаний по Северному Кавказу.

– Я понимаю.

– А я ничего не понимаю.

Доктор положил документы на стол и, не сводя с них глаз, потер виски пальцами.

– Видите ли, в чем дело... Восемь лет назад я забирал кровь для анализа у тех, кто был переселен в Южный Стан. Среди них есть несколько человек, у которых я кровь забрал вчера. И выяснилось, что у них вилочковая железа осталась без изменений.

– Ну?

– Я специально сделал выборку анализов у тех, кто восемь лет назад был младше тридцати. Для выполнения своей работы клеткам необходимо постоянно обновляться, что происходит благодаря отсечению небольшого фрагмента ДНК и

образованию новых последовательностей. Сравнив результаты восьмилетней давности с нынешними, я могу утверждать однозначно, что образования новых последовательностей в ДНК не обнаружено. Проще говоря, люди перестают стареть.

Ждан осторожно положил дымящуюся сигарету в пепельницу.

– Вы можете предоставить мне подробный документальный отчет?

– Конечно! Вы знаете, кажется, я на пороге удивительного открытия. – Ждан заметил, как глаза доктора заблестели.

Он заставил себя улыбнуться.

– Я вас заранее поздравляю. И вот что мы сделаем... Вы подготовьте отчет мне, не докладывая об этом Зубову. То, что вы сказали, выглядит нелепо с точки зрения нас, военных... Сами понимаете... А то генерал рассердится и пошлет вас с вашим открытием подальше от НИИ. И тогда ваше историческое в медицине открытие накроется медным тазом. Договорились?

И два месяца доктор предоставлял информацию Ждану, неопровержимо доказывая сомнительную для восприятия истину – люди, родившиеся в Другой Чечне уже после прибытия солдат и офицеров роты Черданского полка, не стареют. А те, кто прибыл в возрасте, превышающем тридцать лет, остались в том же возрасте. Не стареют и те, кто оказался в Другой Чечне случайно, спустя десятилетия.

Многие из опрошенных жителей Крепости, а ныне Юж-

ного Стана, и ранее утверждали, что родились до одна тысяча восемьсот двадцать пятого года, но им, понятно, никто не верил. Кто всерьез воспримет информацию из уст людей, проживших сто восемьдесят лет?

И вот теперь Ждан понял: в каждой шутке есть доля шутки. Вынув купленное на аукционе письмо, он положил рядом с ним перевод и прочел: «Есть на Востоке необыкновенное царство, великое и удивительное. А в самом центре его бьет Источник вечной юности: тот, кто три раза выпьет воды из него, никогда не станет старше тридцати лет...»

Есть на Востоке страна...

Другая Чечня, коль скоро вход в нее находится в Чечне Обычной, и есть на Востоке. Понятие «Кавказ» в XII веке не существовало. Чечня по тем меркам была, бесспорно, Востоком. И теперь заявления доктора не выглядели такой уж бессмыслицей даже в теоретической медицине.

«Есть на Востоке необыкновенная страна, в самом центре которой бьет Источник вечной юности: тот, кто три раза выпьет воды из него, никогда не станет старше тридцати лет»... Ждан выучил письмо наизусть. И свиток теперь служил ему лишь доказательством самому себе, что он не спятил. Служа в НИИ и безукоризненно выполняя приказы Зубова, он уже понимал, что вся жизнь его теперь сведется к поиску Источника.

Но можно ли убедиться в том, что пресвитер не водил за нос императора, чтобы выгадать для себя какие-то милости?

И Ждан, размышляя над этим в своей квартире, расположенной в городке института, вдруг рассмеялся над собственной глупостью.

– Ну конечно!

Как он не мог понять этого раньше! Ведь если пресвитер знал о существовании страны на Востоке, значит, он или сам там побывал, либо ему кто-то сообщил об этом. Раз так, то должны быть неоспоримые доказательства, что в этой стране были люди. И это был самый простой способ убедиться, является письмо носителем невероятной, но подлинной информации или это банальная ложь. В то же время Ждан знал, что во времена, в которые письмо было написано, за такую шутку автор мог поплатиться головой, чьим бы подданным ни был. И Ждан решил действовать.

Напросившись в недельную командировку в Другую Чечню для обустройства поселка Южный Стан, Ждан отправился в тоннель не с пустыми руками. В распоряжении НИИ имелись высокоточные сонары и прочее оборудование, позволявшее разыскивать невидимое глазу. Ждан желал только одного – разыскать хоть что-то, что укрепило бы его веру в подлинность информации, содержащейся в письме пресвитера. И уже тогда станет ясно – существует ли так живо описанный императору Источник.

И через пять дней он, доложив Зубову об успешном выстраивании в Южном Стане инфраструктуры, отпросился в Москву подлечиться. Зубов не возражал...

На вид ему было лет тридцать. Есть люди, чей истинный возраст скрыт за внешней молоджавостью и уверенностью движений. Чем люди старше, тем очевиднее в их жестах экономия. Не дай бог позвонок хрустнет или связка потянется. А еще люди старшего поколения реже крутят головой по той причине, что, во-первых, все это уже видели, а, во-вторых, точно знают, куда нужно смотреть.

Если улица Вяземская в Москве чем-то и знаменита, то только парой ночных клубов, чье финансовое положение на грани банкротства, да антикварным магазином, куда изредка забредают туристы. Времени у них, как правило, в обрез, и в последние минуты своего посещения столицы новой России туристы начинают проявлять недюжинную покупательскую способность. Матрешки, тульские самовары, иконы начала девятнадцатого века... Словом все, что изготовлено месяц назад и сдано в магазин для реализации областными умельцами, расхватывается в считанные часы. Туристов, по-видимому, сбивает с толку сделанная под старину теми же умельцами вывеска магазина «Антиквариатъ». Входя в его чрево под колокольчик, туристы просто теряют разум. И начинают сметать с прилавков все, что хорошо смотрится. Пятьсот долларов за Рублева – не деньги, и никто потом рекламации из Дрездена и Джерси присылать не будет: доллары не вер-

нешь, а сраму хапнешь без меры. Купил «Троицу» Рублева за пятьсот долларов... Чудак, ей-богу.

Ждан сидел у входа в этот магазин уже около часа. Курил, не спеша, тянул из узкой бутылки пиво, вяло смотрел по сторонам. Сидел, словом, так, что не было ясно: то ли он пару для входа в клуб высматривает, то ли любит через витринное стекло креслами работы мастера времен Марфы Посадницы, то ли выжидает чего, постоянно поглядывая на стрелки часов в той же витрине.

После пятидесяти пяти минут противостояния, точнее сказать – противосидения, он встал, отряхнул с брюк невидимую пыль и направился к магазину. И вошел в него так, словно шел мимо, не выдержал и свернул.

– Чем могу? – среагировав на глухой звон колокольчика (подобные здесь продавались уже трижды, выставляемые как единственный в своем роде экземпляр с упряжи тройки патриарха всея Руси Иоасафа) взметнулся над потертым прилавком старичок.

Живой этакий старичок, выдавший виды и ими не впечатленный.

В магазине пахло старым деревом, окислившимся металлом и деньгами. Великолепие витрин чуть скрадывалось бликами стекол, которыми отгораживались предметы от посетителей, однако понять истинную дороговизну выставленного имущества мог только недалекий от искусства человек. Или криминалист экспертно-криминалистической лабора-

тории соответствующего правоохранительного ведомства.

— И кто заведует этим хозяйством? — неловко поведя рукой по прилавкам и застекленным стендам, поинтересовался Ждан.

Всех посетителей старик делил на две категории, как кур. Первая, высшая, звякнув колокольчиком, тут же, уходя, звякала им вторично. Это люди, понимающие толк в предметах старины. Посетители другой категории проходили внутрь, начинали интересоваться, щупать, а после и прицениваться. Этих без покупки и сертификата, удостоверяющего ее древность, старик не выпускал. Сейчас перед ним стоял самый настоящий лох, чьи глаза бегали по витринам, не в силах остановиться ни на одной подделке. Вторая категория, вне всяких сомнений.

— О-о, — понимающе протянул владелец магазина, — я вижу перед собой настоящего ценителя красивых вещей. Что конкретно вас интересует? Есть мебель, есть ювелирные украшения, есть предметы на память.

Ждан покусал губу и прошелся вдоль витрин.

— Это что, тоже настоящее? — ткнул он пальцем в стекло, отгораживающее от внешнего мира грубо вылепленного из золота маленького соловья. Если верить надписи под ним, то этот соловей был любимой игрушкой дочери Михаила Романова.

— Аукцион «Кристи» предложил выставить его на торги с начальной ценой лота в двести двадцать тысяч долларов. Я

отказался, – произнес старик...

И тут антиквар услышал не совсем то, что услышать рассчитывал.

– Я понимаю организаторов «Кристи», – сказал Ждан. – Могли бы предложить и больше, если учесть, что этот соловей – единственное историческое доказательство того, что у Михаила Романова была дочь. Вообще-то у него был сын. Звали его Алексеем, и правил он Россией под прозвищем Тишайший. Вы не пробовали обратиться в дом «Сотби»? Если докажете, что соловей принадлежал дочери племянника первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовой, вас призовут преподавать на кафедру в Оксфорд.

– Что вам нужно, любезный? – краткий экскурс в историю России старичку не понравился. Более того, насторожил. Лох оказался весьма сведущим человеком.

– Мне нужно знать, кто вы, – нагло, даже не смотря на старичка, объяснил Ждан. Он ходил вдоль витрин, рассматривал экспонаты и едва заметно улыбался. – Банальный мошенник или человек, имеющий выход на серьезных людей.

– Я вас не понимаю, – ответил владелец магазинчика, раздумывая, нажать кнопку тревожной сигнализации сейчас или сделать это чуть позже, когда все выяснится. Нюх старого афериста подсказывал, что торопиться не следует, и подошва туфли дрожала над кнопкой. Он уже должен был подать сигнал – так велела инструкция, позволяющая процветать на Вяземской посреди разорившихся заведений – одна-

ко в воздухе явственно запахло деньгами, и дух этот перебивал душок инструкции. – Выражайтесь доходчивей.

Ждан вынул из кармана сигарету, и после замечания о том, что «здесь не курят», щелкнул зажигалкой.

– Куда уж доходчивей... Если все это выгорит дотла, – пояснил он, втягивая язычок пламени в сигарету, – российская культура не понесет убытков ни на грош. Выплатите десяток тысяч рублей своим мастерам-поставщикам, и конец проблеме. На витринах ваших – натуральная похабель. Вот если бы их занимали такие вещи, тогда впору было бы рвать на себе волосы.

На потертый от времени стол старичка лег предмет, аккуратно завернутый во фланелевую тряпочку.

– Что это? – спросил старик, убирая ногу от кнопки.

– Есть только один способ это узнать, – и Ждан, выдохнув в сторону от хозяина дым, лег грудью на его стол.

Старик развернул фланель, и очки его блеснули хищно... В сухой его руке лежал золотой предмет овальной формы с вырезанным на нем рисунком.

– Где вы это взяли? – тихо спросил антиквар. – И что это такое?

– По моим подсчетам, вещь может быть оценена на Западе в пятьсот тысяч долларов. Может, чуть больше. Возможно, чуть меньше. Просто я не знаю наверняка, кому именно она принадлежала. Впрочем, я согласен на торг, и готов уплатить посреднику пять процентов за знакомство с человеком,

который согласится на сделку. Разумеется, после свершения таковой.

Старик больше не колебался ни секунды. Нет сомнений в том, что вещь стара. Стара настолько, чтобы платить за нее бешеные деньги. Это, несомненно, золото, но это не главное. Безо всякого сомнения, она ценна для истории. Старик не понимал, каково ее предназначение, но для него было очевидно, что те, кто понимают, за владение ею готовы побороться.

Можно было разыграть эту карту. Но доля риска настолько велика, что ставятся под сомнение и будущее магазина, и его, старика. Уже не тот возраст, чтобы прятать такие тузы в рукаве, нужно пользоваться тем, чем пользоваться тебе разрешают. А начинать все с нуля, как это уже не раз бывало в его жизни, рискованно. Поздно.

И старик нажал подошвой туфли кнопку.

– Так вы скажете мне, что это такое?

– Возможно, это принадлежало самому Чингисхану, старче, – довольный участием старичка, оживился Ждан. – Так я не услышал ответа.

Владелец магазина нервно почесал пальцем подбородок.

– Не каждый гость ставит передо мною такие задачи... – пробормотал он. – Прежде, чем беспокоить серьезных людей, мне нужны гарантии того, что эта бляха тоже не принадлежала дочери Михаила Романова.

– Мы устроим в вашем заведении экспертизу с привлече-

нием ваших же специалистов.

«Вне всяких сомнений – проверка, – решил старик. – Сколько можно проверять? Неужели они думают, что моя глупость с годами лишь усиливается?»

– Да, конечно, – поддержал между тем он. – Без экспертизы нельзя. Но пять процентов, на мой взгляд, доля, не соответствующая степени риска в предприятии. Я предлагаю увеличить ее до пятнадцати.

«А вдруг кнопка неисправна? – с ужасом подумал он. – И сейчас меня спялят прямо на цацке!..»

И он нажал кнопку вторично. Этот жест ногой, автоматически спровоцированный душевным криком, оказался столь откровенным, что Ждан вдруг прервал рассуждения о невозможности торговаться, и рывком подтянул себя к краю стола. Заглянул под него, оттолкнул владельца магазина к стене и увидел кнопку.

– Старая сволочь, – едва слышно пробормотал он.

Его рука скользнула под пиджак, и вскоре старик почувствовал бурление в желудке. Прямо в левую линзу его очков смотрел черный зрачок пистолетного ствола.

– Вы меня неправильно поняли, – выдавил старик, но вместо слов из его чрева раздалось странное бульканье.

Ждан смахнул со стола вещьцу, сунул в карман и рванулся к двери.

– Старая сволочь, – еще яростнее повторил он, увидев, что путь из магазина перекрыт: перед крыльцом стоял белый

«Форд» с синей полосой на борту, и из него уже выскакивали двое в штатском.

— Где запасный выход? — спокойно спросил Ждан. Стволом пистолета он сбросил с носа антикварщика очки и воткнул его в освободившуюся глазницу. — Если через минуту я не окажусь у него, твои мозги лягут на подделку картины Айвазовского...

После такого предупреждения старик не колебался. Вытянув перед собой руку с указательным пальцем, он едва поспевал тощими ногами за своим дряхлым торсом. Одна сильная рука незнакомца волокла его в глубь магазина, вторая открывала возникающие на пути следования двери.

Запасный выход был, его не могло не быть. Но проблема заключалась в огромном амбарном замке, ключ от которого находился, конечно, в той комнате, которую они только что покинули. Тонкость же момента содержалась в том, что старик об этом не сказал, но его об этом никто и не спрашивал. Ему велели показать запасный выход, он показал, так что расправляться с ним за отсутствие ключа формального права у мужчины не было.

— Старая сволочь, — в третий раз произнес Ждан и с размаху опустил рукоять пистолета на голову антиквара.

Всхлипнув, старик мгновенно прекратил сап, потяжелел и сполз по стене на грязный пол.

Удар, еще удар...

Ждан уже почти выбил дверь, и теперь она держалась

лишь на паре гвоздей замочных петель. В лицо дул июльский ветерок, слышался шум машин, а после третьего удара машины стали даже доступны взгляду, однако петли не сдавались, а мужчина терял силы. Он видел свободу, но не мог выйти.

Наконец чудо свершилось. Обитая стальными листами дверь отскочила в сторону, и посетитель антикварного магазина ринулся на улицу.

Но чувство спасения жило в нем не больше десяти секунд. За спиной раздались металлические щелчки, команды остановиться, лечь и бросить оружие.

Москва – большой город, но он тесен для тех, кто решил ее покорить. Поняв невозможность уйти от преследователей, Ждан принял роковое для себя решение. С разбегу рухнув за кусты акации, он перекатился и улегся так, чтобы оказаться лицом к преследователям. Его оружие те видели, а потому надеяться на то, что стрельбы в его сторону не будет, глупо. Значит, выход один. Пока в погоню за ним не пустились все, кто ездит на «Фордах» с синей полосой, нужно точно стрелять, а потом быстро бежать.

И он выстрелил. Промазал, по всей видимости, так как никаких дополнительных действий в стане врага этот хлопок не вызвал. Он выстрелил во второй раз, и, кажется, попал. Удача его окрылила, и он, совершенно позабыв, что магазин его оружия предназначен лишь для восьми патронов, стал частить со спусковым крючком.

И даже удивился, когда после громких выстрелов его пистолет затих. Затвор давно отскочил в крайнее заднее положение, ствол дымился, и в этом состоянии оружие было совершенно бесполезно.

«Это осечка, – в запале подумал Ждан. – Патроны не могли закончиться так быстро. Верни затвор в обычное положение и стреляй!..»

Передернув затвор, он перекатился из-за кустов за лавочку и прицелился. На мушке его пистолета замер тридцатилетний парень. Свою смерть тот не видел и вертел головой в поисках преследуемого.

Щелк... Как жалок был этот звук. Он перечеркнул все надежды на дальнейшую точную стрельбу. Оставался быстрый бег.

Ждан рывком поднял свое сильное тело из-за лавочки, вложил в него всю свою, подпитываемую адреналином мощь и побежал в сторону арочной выемки на стене дома...

Первая попытка узнать что-то о найденных им в Другой Чечне предметах оказалась безуспешной.

Вскоре ученый из НИИ, который переводил письмо, погиб. Он упал с высоты пятнадцати метров, с балкона, прямо на бетонный пол. Несчастный случай. А через месяц после окончания исследований, отравился суррогатным спиртным и доктор. Зубов долго не мог понять, как совершенно непьющий врач мог выпить бутылку купленной в Ведено «пале-

ной» водки, но вскоре успокоился, поскольку встречался в своей жизни и с более противоречивыми и удивительными событиями.

Так Ждан стал единственным носителем информации об Источнике, существующем в Другой Чечне. Но без помощников отыскать Источник было невозможно. Заместитель начальника УИН не мог, сославшись на какие-то причины, закинуть рюкзак за спину и отправиться на поиски Грааля, фонтана, камня – чего бы то ни было. И тогда он вспомнил о способе, который Стольников обозначил единственным для встречи. Группа, вышедшая из Другой Чечни в мае две тысячи первого года, должна была собраться на втором этаже московского ЦУМа, при появлении в газете «Доска объявлений» объявления следующего содержания: «ООО Стольников» требуется юрист, оплата невысокая». На второй день явились двое: бывший штурман российских ВВС старший лейтенант Пловцов и сержант Крикунов. А Ждану и не было нужно больше помощников. Он думал что делать, если придут более двух. Все складывалось удачно. Некоторое время пришлось потратить на объяснение причин, заставивших Ждана экстренно созвать группу. Чтобы лишить Пловцова и Крикунова возможности сомневаться и дожидаться Стольникова, Ждан сообщил им, что командир погиб. Как погибли все, кого Стольникову удалось собрать месяцем ранее.

– Странно, – выдавил ошеломленный сообщением Пловцов. – Я покупал все газеты...

– Зубов нашел Стольниково по своим каналам. А тот, в свою очередь, разыскал тех, кому доверял больше всего. Вы думаете, у него не было связи с теми, с кем он хотел бы продолжить общение?..

Пловцов был смят и подавлен. В том же состоянии находился и Крикунов.

– Нам нужно найти Источник, – в конце долгих переговоров сказал Ждан. – Деньги – ничто, по сравнению с тем, что мы будем искать. Мы будем искать – бесконечное будущее.

Пловцов и Крикунов устали от скитаний. Потому Ждан так легко вывел из состава группы двоих людей.

И теперь эти двое в Другой Чечне искали Источник, в существовании которого Ждан уже не сомневался. А Ждан не прекращал подавать в газету объявление. Ему нужен был последний из группы.

И он уже почти согласился с тем, что не найдет третьего... Мало ли что могло произойти с человеком за последние одиннадцать лет? Наводнение в Таиланде, землетрясение в Турции, пожар в Оренбурге – да мало ли что.

Но через три недели оставленный на втором этаже московского ЦУМа человек сообщит полковнику Ждану, что в указанное время на встречу прибыл еще один человек. Этот мужчина лет тридцати с небольшим на вид ходил по второму этажу в темных очках, поглядывал на часы и в конце концов ушел. Но появился он и покинул второй этаж ЦУМа именно в тот отрезок времени, что был указан одиннадцать лет на-

зад Стольниковым.

– Неужели на объявление в газете откликнулся последний из них? – пробормотал Ждан. – Это Лоскутов...

Описание совпадало с воспоминаниями Ждана. С Лоскутовым в тот период он общался очень мало, но память хранила образ коренастого парня в группе капитана – тогда еще капитана – Стольникова. Тот мало говорил, все чаще молчал. И хотя был ранен в руку, не жалуясь, делал свою работу.

– Последний герой, – скрипнул зубами Ждан. Воспоминания о тех временах, когда сам он был юн и романтичен, нервировали полковника и принуждали вспоминать, кто он сейчас.

«Если не явиться на встречу, по планете будет гулять человек, который знает о Другой Чечне, – подумал полковник. – Это может нарушить мои планы».

Можно было провести Лоскутова так, как он провел Пловцова и Крикунова. Тем более что Крикунов пропал без вести во время поисков Источника, и штурману подняло бы настроение появление знакомого человека. Но Ждан не хотел рисковать. Если Источник существует – а он верил в это безоговорочно – Лоскутов его найдет. Зачем ему напарник?

Ждан приказал своему человеку в Москве явиться на следующий день в ЦУМ к одиннадцати часам. Если подозрительный молодой мужчина появится и в этот раз и если он захочет уйти ровно в двенадцать, нужно будет подойти к нему и сделать то же, что однажды было сделано в отноше-

нии Пловцова и Крикунова. Главное, заманить Лоскутова в НИИ. А дальше...

А дальше все произошло по плану – Лоскутов пришел на встречу и вот уже десять дней находился в темной камере площадью семь квадратных метров в подвале НИИ...

Глава 1

К рассвету бойцы стали приходить в себя. Некоторых еще мучили ломота в висках и потеря координации, но Стольников уже был уверен – это временно. Сознание и здоровье возвращались к каждому из его людей по-разному, в зависимости от индивидуальных особенностей. Айдаров, тот уже ночью проснулся и пил воду так, словно сутки перед этим пьянствовал. А потом уселся и, разговаривая со Стольниковым, чистил «винторез» как ни в чем не бывало. Хуже всех пришлось Акимову. Лейтенант и с лучами солнца выглядел больным и уставшим. Но ближе к обеду к нему вернулась способность действовать...

Группа поднялась на высоту и теперь расположилась где-то на середине пути до ее вершины. С места, которое Стольников выбрал для стоянки, хорошо просматривался Мертвый город. Он больше не волновал своими размерами и величием и уже не казался парящим. В бинокль хорошо были видны точки на равнине. Словно кто-то склонился над зеленым листом бумаги и яростно истыкал ручкой лист. Это лежали тела убитых солдат и офицеров Ибрагимова, тоже погибшего...

– Здоровы будем, бояре! – бросил Стольников, видя, что группа отдохнула и готова к перемещению. – Кажется, в ближайшее время нас некому будет преследовать.

– Куда двинем, командир? – поинтересовался Ключников.

Стольников облизал губы и, отвернувшись, посмотрел на стену города. Он должен был дать ответ, но ответа не было. Редкий случай для майора Александра Стольникова, командира разведывательного взвода.

– Нам сейчас ничто не мешает выйти к тоннелю. Разве что своры потерянных. Но это ерунда. Вопрос другой – как мы войдем в тоннель? Ждан усадил перед входом – я видел – около взвода отморозков. А тем только дай команду... В игольное ушко мы не пройдем.

– А если попробовать огнеметами? – Акимов кивнул на шесть подобранных после боя «шмелей».

– А если обвалим вход в ангар?

– Ты забыл еще о боевиках в «Мираже», – напомнил Жулин.

– Я не забыл. Просто считаю, что они не выйдут из «Миража» для уничтожения нашей группы.

– Это почему же? У Ждана никого, кроме них, больше нет!

– В «Мираже» они удерживают полковника Бегашвили и неизвестное нам количество преданных ему людей. Им нужно держать ситуацию под контролем.

– Там около пятисот душ! Одну сотню отправить – что помешает?

Стольников задумался.

– Не знаю...

– А еще – пусковая установка «Искандер», – напомнил Акимов. – Рядом с ними тоже какие-то силы. Расчеты – понятно. Но Ждан не мог их оставить одних, зная о потерянных.

– Ну, пусть взвод охраны, – Стольников ломал ветку и бросал обломки перед собой, глядя куда-то в долину. – Мне важно понять, что сейчас намерен предпринять Ждан. С него спрашивают, я уверен. Спрашивают за проделанную работу... Он не может отвечать вечно – подождите, господа-исламысты... Так что же он сейчас сделает?

– А что бы ты сейчас сделал? – спросил Акимов.

– Я? – Стольников поморгал. – Сейчас я бы лег в ванну, в горячую воду, откупорил пару бутылочек пива и лежал бы до тех пор, пока вода не остыла. А потом вышел бы на улицу и направился к ближайшему водоему уток булкой кормить.

Кто-то вздохнул...

Стольников посерьезнел.

– На месте Ждана я бы сейчас ударил «искандером» по «Миражу».

– Что?.. – Жулин поперхнулся, и вода из фляжки выплеснулась ему на брюки.

– Под обломками погибло бы не более пятидесяти. Остальные вырвались бы за пределы «Миража». Доложил бы исламистам о взрыве природного газа в системе обеспечения тюрьмы и запросил инструкции. Руководимые им люди в пекло не полезут, начнется паника и сбор совещаний. То

есть пойдет отыгрыш так необходимого мне времени. Потом на месте Ждана я бы устроил подрыв входа и подрыв НИИ с жертвами. И ушел из Ведено. В смысле, из Чечни. Капиталов у него хватит. Вход после подрыва института не найти никогда. Информации у оставшихся в живых – ноль. В Другой Чечне боевики рано или поздно выйдут на Село и будет бойня. Потерянные помогут, если крови будет мало. Если и этой не хватит, мы добавим. Своей и чужой. Ждан с другими документами растворился в дымке. Что делать с НИИ без Зубова, Кремль не знает. Что делать теперь без Ждана на развалинах – Аль-Каида не знает. Самое время осесть на островах близ Пасхи или поселиться в Мексике.

Все замолчали. План Стольниково никому не нравился. Если Ждан решит поступить так, старость и смерть придется встретить здесь. Причем не обязательно в этой последовательности.

– Командир, надо что-то делать, – тихо проговорил прапорщик.

– Я знаю, что делать.

Даже из уст Стольниково это звучало сейчас невероятно.

– Может, поделишься?

Стольников опустил винтовку на землю и оперся на локти. Осмотрел группу усталым взглядом и вздохнул.

– Один раз у меня это вышло. Почему не выйдет во второй?

– О чем ты?

– Тогда Ждан ждал меня. Поэтому я прошел через охраняемый вход в лабиринт без помех.

– Ты хочешь?..

– Я хочу оказаться в НИИ. Это единственный способ попробовать взять ситуацию под контроль. Мы не можем скитаться по Другой Чечне вечно. Идет время. Скоро у кого-то из нас заболит живот или случится приступ малярии. Это нам повезло, что до сих пор не случилось никакой болезни, связанной не с ранением. Мы в мышеловке, и единственный способ выбраться отсюда – войти в НИИ. Проникнуть сразу и одновременно мы не сможем. Поэтому я пойду один.

– А мы будем дожидаться, пока тебя убьют? – хмыкнул Ключников.

– Нет, вы пойдете туда, где могут убить вас. Мне нужно отвлечь внимание от входа в лабиринт. Пусть Ждан решит, что группа в полном составе решила захватить «Мираж».

– Захватить «Мираж»? – Мамаев даже подскочил. Следом за ним поднялся и Айдаров.

– Командир, – пробормотал Жулин, – это же нереально...

– Я не приказываю вам захватить тюрьму. Вы должны будете увязнуть в перестрелке. Тот, кто держит в плену Бегашвили и его людей, тут же сообщит о нападении Ждану. Этим он лишит его даже подозрения на то, что кто-то из нас попытается пробиться в тот же момент в НИИ. Это ясно?

– Вполне! – рассмеялся Ермолович. – Когда выступаем?

– Как только стемнеет.

Когда напряжение неизвестности спало, прапорщик подсел к майору.

– Саша, ты уверен, что это хорошая идея?

– Другой нет.

– Но там, ты сам говорил, около взвода цепных псов и оружия выше крыши?

– Да.

– И тем не менее?

– И тем не менее, – Стольников перекусил сухую травинку и отбросил в сторону, – в НИИ сосредоточены все нервные окончания тюрьмы. Оттуда Ждан ведет за нами охоту. Окажись на нашем месте люди с меньшим стажем ведения боевых действий в горах, группа давно прекратила бы свое существование. Я должен добраться до НИИ.

Жулин некоторое время сидел молча.

– Средств нападения у нас маловато, Саша... Я уже не говорю о силах. Трудно представить, как мы сможем завязать бой с пятьюстами боевиками у ворот тюрьмы. Ты сам знаешь – Крепость, до того как на ее месте появилась тюрьма, стояла как на ладони. Ближайшая «зеленка» в трехстах метрах от стен.

– Олег, – раздраженно заговорил Стольников, глядя на прапорщика. – Я должен думать за тебя? Акимов!..

Лейтенант, отделившись от бойцов, с которыми горячо обсуждал перспективы скорого боя, приблизился и сел.

– Акимов, я хочу, чтобы ты помог прапорщику Жулину.

В мое отсутствие вы должны управлять ситуацией, а не она вами.

– Да понятно все, Саша, – недовольно бросил Жулин. Его недовольство было связано с тем, что майор решил для управления группой привлечь фактически человека со стороны. Тем не менее Олег понимал, что сам виноват в случившемся. Нужно было поменьше думать вслух.

– Сколько боеприпасов? – спросил Стольников.

– По двести-триста патронов на единицу оружия. Да эти шесть «Шмелей».

Стольников освободил жилет от своих магазинов и отдал винтовку Айдарову.

– Мне это ни к чему. «Гюрза» и нож – это все что нужно. Итак, Олег... Необходимо завязать бой на подступах к «Миражу». Думаю, там есть пешие патрули, так что будьте внимательны. В схватку не ввязываться, в случае выхода из тюрьмы больших сил противника – отойти. Оборону не занимать. Откатываться до тех пор, пока противник не прекратит преследование. Потом – сначала.

– И до каких пор?

– Пока я не появлюсь в образе архангела Михаила и не скажу: «Полноте, Олег, стрелять. Ступайте с миром домой». Ключников хохотнул.

«Это не нервный смех. Хороший признак, – подумал Саша, – учитывая, что им сейчас предстоит».

– Мне нужен ваш постоянный огневой контакт с «Мира-

жом». Ждан должен находиться все время во взвинченном состоянии. Он не знает, что мне нужно в «Мираже», и менее всего ожидает появления нас у стен тюрьмы. Внимание ко входу будет ослаблено. А сейчас, думаю, там... Там сейчас, думаю, его люди с оружием в руках даже в туалет ходят.

Последний привал случился у подножия высоты, в которую ударила первая ракета. Окрестности были выжжены, словно пилот распылил с самолета бензин, а после бросил спичку. Все, что оказалось в радиусе двухсот метров от эпицентра взрыва, представляло собой уголь. Выбрав место почище, вдыхая вонь гари, Саша остановил группу. Разговаривать сил не было. Вода во фляжках закончилась полчаса назад. Но Стольников знал – в пятистах метрах от крепости есть водоем. Там он одиннадцать лет назад настиг помощника атамана Трофима из Крепости – Николая. Бойцы напьются и умоются. А сам он потерпит.

Правее места их привала стояли три грузовика, на которых прибыло последнее подразделение Ибрагимова. Можно ли на них передвигаться, он не знал. До сих пор их никто не использовал, чтобы вернуться к входу в лабиринт. Это могло означать что угодно. Но Стольникова устраивал тот вариант, при котором все люди Ибрагимова погибли и некому было возвращаться.

Через полчаса майор поднялся. В таких ситуациях не прощаются, поэтому просто махнул рукой.

– Это все. Доберусь на машине. А если пешком – у входа

в лабиринт я появлюсь, дай бог, к вечеру.

– Ни пуха, – бросил Ермолович.

– Пошел к черту.

– Когда мы встретимся? – крикнул Мамаев в спину поднимающемуся на высоту майору.

Саша остановился. Он не верил, что они смогут теперь встретиться.

– Скоро, Мамай! Очень скоро! Нужно только немного потерпеть.

Уже сколько раз бойцы слышали это...

Глава 2

Ирина относилась к тем русским женщинам, красоту которых можно было разглядеть, лишь поговорив. Есть такие женщины, они как первый снег: вот он выпал, и ничего необычного или удивительного в том, что он выпал, кажется, нет, и уже никогда не будет. Первый снег замечают лишь для того, чтобы, посмотрев в окно, согласиться с тем, что зима близко. Выйдя же на улицу и пройдя первые сто шагов, некоторые начинают обращать внимание на то, что сегодня необыкновенно хорошо. Этот снег, готовый растаять если не сегодня, то завтра – точно, совершил некоторые изменения. И изменения эти связаны не только с изменениями в погоде. Выходишь в первый снег на улицу, кажется, что и звук доносится издалека, и даже слышно, как на другом конце улицы кто-то тоже вышел на крыльцо, хрустя этим мягким, еще несовершенным снегом. В воздухе витает та очаровательная свежесть, что невозможна ни зимой, ни летом. Первый снег и пахнет по-особенному приятно. Но почувствовать это можно только выйдя на улицу...

Так же и эти женщины. Разглядеть их красоту и внутреннее очарование с первого взгляда нелегко, потому что они не предпринимают никаких усилий для того, чтобы понравиться. Они кажутся обыкновенными, встречаясь мужчинам на улице, неброскими и даже невидимыми. Однако стоит толь-

ко заговорить, как в душу тут же начинает прокрадываться ощущение красоты и свежести первого снега...

Этих женщин никогда не окликают на улицах подпитые гуляки, их не приглашают в дорогих ресторанах на танец ямальские буровики. Причин такому невниманию несколько. Во-первых, эти женщины ничем на первый взгляд не примечательны, а в условиях жесткой конкуренции внимание дарится, как правило, тем, кто бросок внешне.

Эти женщины – элита слабой половины человечества. За простецкой внешностью скрывается невероятной глубины талант и сила. Эти женщины влюбляют в себя с мощью, равновеликой мощи электростанций, и влюбляются столь же сильно...

Москвичка во втором поколении, Ирина Зубова относилась к очерченному выше кругу очаровательных внутренних красотой женщин в полной мере. Ее отец, генерал-полковник Зубов, оставил дочери крупные счета в банках, дающие право новой владелице не заботиться о будущем. Однако последние события убеждали в том, что само существование рода Зубовых поставлено в очень невыгодное положение. Единственная наследница капиталов не слишком заботилась обретением нового для себя смысла жизни. Вместо того чтобы принять предложение Ждана и стать обеспеченной женой и свободным человеком, она выбрала любовь беглеца Стольников и запрет на выезд с территории НИИ. Теперь, когда Ждан властвовал в НИИ, а, следовательно, и в

УФСИНе по Северному Кавказу, он мог отдавать любые распоряжения, и они были законны. Чечня то место, где правит сильный. Ждан таковым и являлся. И поэтому Ирина, попытавшись однажды покинуть территорию городка при НИИ без уведомления Ждана, больше не могла даже приблизиться к воротам КПП.

Ей хотелось поскорее покинуть это ужасное место, чтобы, заручившись поддержкой власти, разгромить это осиное гнездо. Не было сомнений в том, что смерть отца – дело рук Ждана. И что Саша Стольников со своими людьми не может выйти из Другой Чечни по вине Ждана. Она знала, была уверена.

Но ничего не могла сделать.

Генерал Зубов так и ушел к праотцам в твердом убеждении, что род закончен, фамилия исчерпана. Быть может, за мгновение до того как вставить в рот ствол пистолета и нажать на спуск, он думал о том, что сам виновен в отсутствии сыновей. Но тогда, чувствуя, что превращается в потерянного, лежа у дерева в «зеленке» близ Южного Стана, генерал признавался себе, что никогда не любил никого так, как дочь свою, Ирину.

Попытки знакомства дочери с отпрысками известных в Москве фамилий не принесли никаких результатов. Своей нравная дочь всеми силами сторонилась подобного рода знакомств, будучи убеждена в том, что он должен найти ее непременно сам, без протекции и подводов на полуправитель-

ственных раутах и гуляниях бомонда.

За Ириной имелся внушительный капитал, и многие, наверное, хотели бы быть к нему причастны. Однако некоторых останавливала неброская внешность дочери Зубова, другие считали капитал не столь великим. Ирина же не думала о капитале вовсе. Она думала о мужчине, который найдет ее и полюбит... Но ей и в голову не приходило, что мужчиной, которому это удастся, станет мужчина из касты, которую она презирала.

Ирина всегда с недоверием и долей пренебрежения отзывалась о людях, посвятивших себя службе в армии. Несмотря на то что отец был именно таким и она уважала и горячо любила его, офицеров, а особенно тех, кто участвовал в боевых действиях, она считала сухарями, лишенными интеллекта и фантазий.

Но встреча в «Мираже», когда Стольников явился для того, чтобы спасти ей жизнь, заставила ее сравнить всех мужчин, которых знала, с этим немного грубоватым офицером. И выходило, что этот военный вдруг полностью завладел ее сознанием. Она не знала о нем ничего. Абсолютно ничего. Известно ей лишь было, что Стольников не женат. Вот и вся информация. Но время шло, минуло две недели, и Ирина вдруг поняла, что и не скучает даже по Саше, а беспрестанно тоскует. Этот человек разломал придуманные ею рамки портрета офицера, лишил Ирину аппетита и сна. И, наверное, была еще одна причина, которая заставляла Ирину ду-

мать теперь о Стольникове, о нем, и только о нем. Сорока-трехлетнего майора, покрытого шрамами и побитого сединой, любил и уважал ее отец. И, видимо, ненапрасно именно его отец попросил спасти девушке жизнь, когда это потребовалось. Стольников стал нитью, связывающей Ирину с отцом, полюбить которого по-настоящему ей помогла лишь его потеря.

Однако глупо было бы предполагать, что Ирина Zubova в свои двадцать шесть лет слыла старой девой и сторонилась мужчин по примеру монахинь. У нее был друг, и еще до своего несанкционированного появления в тюрьме «Мираж» она все чаще задумывалась о перспективах этих отношений. Приносящая удовлетворение постель в жизни Ирины значила, как и для подавляющего большинства мужчин и женщин этой планеты, не самое главное в жизни. Ее друг в Москве был человеком, наверное, неплохим. Наверное, в глубине своей души, где-то очень глубоко, настолько глубоко, что это чувство еще ни разу не проявлялось, он был человеком хорошим. Но сколько бы Ирина ни ждала проявления этого доброго начала, – а ждала она уже больше двух лет, – оно решительно отказывалось выбираться из норы и поражать свет своим великолепием. Вероятно, стеснялось.

Кроме того, в ней жило подозрение, что она у друга не одна.

Секс своего мужчины на стороне, хотя бы и не дававший потомства, Ирину не устраивал. А потому связь с москов-

ским другом ей начинала казаться все более и более обременительной. Просто взять и уйти тоже казалось невозможным. Он уверял, что любит, и ей в это верилось.

Но когда она встретила Стольникову, все изменилось. Понятие «мужчина» для Ирины стало, наконец, осязаемо. И теперь она думала, как спасти жизнь Стольникова, однажды спасшего ее жизнь...

Ей хотелось поскорее увидеть человека, о котором могла сказать — «я знаю его уже давно, но я его совершенно не знаю». Стольников виделся ей уже другим. Нет, он не деревянный военный... Он красивый мужчина без изъянов. Он человек слова, он верен долгу, мудр и порядочен...

И теперь, когда она познала еще одну, неведомую ей ипостась мира мужской души, отсутствие недостатков у своего московского друга представлялось ей главным его недостатком. Сейчас, находясь почти в плену в Чечне, Ирина думала о том, что, пожалуй, смогла понять превосходство Стольникова над всеми известными ей мужчинами: его душа не очерчена рамками любого из известных ей форматов.

Поступки таких мужчин нельзя понимать разумом. Их нужно чувствовать. Не распознавать с применением известных с девичьих времен формул, а настраиваться на волну и чувствовать. Их мир, как полотна Пикассо, и этот мир не хочет понимать большинство людей. В мире гениев нет формул. Но сами они точно знают, что хотели сказать тем или иным мазком, и проходит время, и даже те, кто считал таких

людей безумцами, начинают признаваться в том, что рядом с ними жили, творили и поражали мир одаренные Богом...

«Не влюбляюсь ли я?» – думала Ирина.

«Не влюбилась ли уже?»

И вдруг поняла как никогда ясно – она не может жить без Стольникова.

Она уже не сомневалась, что полковник Ждан удерживает Сашу в Другой Чечне силой. Раз так, то в планы рвавшегося к ее сердцу мерзавца Ждана входит и уничтожение майора Стольникова. Ирина вдруг испытала неожиданный страх. Только сейчас она поняла, насколько близко опасность. Она знала двоих офицеров в НИИ, которые уважали Зубова и считали своим наставником. Как же не догадалась обратиться к ним за помощью?!

Ирина сняла с аппарата внутренней связи, установленного в кабинете Зубова, трубку, и попросила оператора соединить ее с капитаном Дольским. «Быстрее, быстрее!» – подгоняла она застрявшего где-то капитана. Еще минуту назад она была спокойна как камень, обдумывая планы разоблачения Ждана. А теперь девушку лихорадило.

– Капитан Дольский, – прозвучало в трубке.

– Дольский, это Ирина Зубова!

– А, Ирочка! Здравствуйте! Чем могу служить?

– Дольский, миленький, вы меня очень обяжете, если немедленно придете в квартиру моего отца!

– А что случилось? – в голосе капитана послышалась тре-

вога.

– Ни о чем сейчас не спрашивайте! Возьмите с собой Лукьянова и немедленно идите ко мне!..

– Ирочка, у нас тут совещание...

– Немедленно!

– Сейчас буду.

Ирина бросила трубку, побежала в свою комнату, вытянула из-под кровати чемодан и стала срывать с вешалок в шкафу одежду. Когда в распахнутом чемодане образовалась разноцветная гора, она пришла в себя. «Что я делаю?..»

Пошла на кухню, чиркнула спичкой, включила газовую конфорку. В Чечне газ не имеет цены, она условна. Электричество дороже.

Стук в дверь успокоил бурю в ее голове. Зубов не любил электрические звонки. Они напоминали ему следственный изолятор. В дверь генерал-полковника Зубова всегда стучали.

– Дольский, Лукьянов, хорошие мои! – вскричала Ирина, заливаясь слезами и бросаясь на шею первому.

– Да что случилось-то, Ирочка?

Сбиваясь и путаясь, она рассказала все что знала. Во время этого сумбурного повествования Дольский с Лукьяновым несколько раз обменивались взглядами.

– Ирочка, а давайте мы вам нашего врача пришлем? – предложил Лукьянов.

– Вы что... – прошептала она. – Не верите мне? – в глазах

у нее потемнело. — Мать вашу, капитаны!.. Отец доверял вам, значит, и я могу положиться на вас! А вы ведете себя как два...

— Узнаю генерала Зубова, — пробормотал с улыбкой Лукьянов. — Но, Ирочка... ваш рассказ о какой-то Другой Чечне... Вы же понимаете, что это, как бы так сказать... он немного преувеличен?

Ирина внезапно успокоилась.

— Как вы думаете, что находится в центральном блоке НИИ, для проникновения в который нужен доступ высшего уровня?

— Вероятно, секретный объект, — предположил Дольский. — Но почему вы спрашиваете?

— Потому что именно там находится вход в Другую Чечню! Точнее — к перрону, с которого отправляются поезда по тоннелю! Мой отец убит, вы знаете? Он убит Жданом! Ждан хочет погубить теперь и Стольников с его разведгруппой!

Капитаны знали о Стольникове. Он был представлен Зубовым на совещании. Но рассказ дочери генерала все равно выходил за рамки здравого смысла.

— Послушайте, — Ирина внезапно успокоилась, — не хотите верить мне, не верьте. Но сохранить жизнь-то вы мне можете?

— Да в чем дело? — рассердился Дольский.

— Пока майор Стольников и его люди в Другой Чечне, я являюсь единственной свидетельницей ее существования. Он

обязательно уберет меня, понимаете?

– Кто, Стольников?

– Боже, как отец мог доверять вам? – она заплакала.

Дольский переглянулся с Лукьяновым.

– Ирочка, вот мы что сделаем, – предложил Лукьянов и, усевшись в кресло, расстегнул пуговицу на куртке. – Мы побудем с вами. А вы еще раз, без эмоций, расскажете нам историю с самого начала. До вечера мы свободны. Так что в полном вашем распоряжении. В любом случае, мы не оставим вас.

Ирина направилась к засвистевшему чайнику.

В кабинете начальника НИИ, с двери которого уже была снята табличка с именем генерал-полковника Зубова, в кресле сидел Ждан и постукивал трубкой по подбородку. Только что оператор сообщила ему о странном телефонном разговоре, случившемся между дочерью Зубова и капитаном Дольским.

– Ты сама решила свою судьбу, Ирочка, – пробормотал Ждан. Вместе с тем надежда быть с женщиной, приворожившей его сердце, в нем не угасала. Он дошел до того состояния, что готов был убить девушку в любой момент, если она заявит, что принадлежит другому.

Он вызвал командира комендантской роты и приказал поместить дочь генерала под арест. В ответ на изумленно вскинутые брови уже немолодого капитана вскричал:

– Вам пора научиться выполнять приказы мгновенно, черт вас возьми! Хотите оказаться где-нибудь в Грозном в должности начальника вещевого склада?!

– В НИИ всего одна камера, и она занята.

– Значит, посадите ее к нему!

– Женщин нельзя содержать вместе с мужчинами, вы же знаете.

Ждан посмотрел на него с ненавистью.

– Есть, – коротко бросил майор и вышел. За дверью прошептал: – Сука...

– Вернитесь! – слышался голос Ждана.

Он вошел в кабинет и прикрыл дверь. Не может быть, чтобы Ждан слышал его шепот!

– Вам ее доставят.

– Кого ее?

– Ту, которую вы должны поместить в камеру. Вы меня удивляете, капитан. Удивляете своей непонятливостью.

– Я все понял. Ту, которую мне доставят, я должен поместить в камеру.

– Ждите. А сейчас свободны.

Майор направился к двери.

– Кстати, вы что-то сказали, когда вышли из моего кабинета в первый раз?

– Я? Сказал? Я ответил «есть» и вышел.

– Значит, мне слышалось.

Телефонный звонок смел с него налет раздражения.

– Слушаю! – прокричал он в трубку, ожидая доклад из тюрьмы. Раз в два часа ему докладывали об обстановке.

– Пятнадцать минут назад одна из машин отправилась на плановый обход, – не спеша начал его связной в тюрьме.

– И что? Это важно?

– Теперь машина стоит на краю «зеленки».

– Ну, помочиться вышли. Им же в здании, где сотня писсуаров, не хочется ссать! – Ждан почувствовал, как им снова овладевает раздражение.

– Они не могут мочиться четверть часа.

Ждан облизал губы.

– Ты хочешь сказать, что машина стоит уже пятнадцать минут и не трогается с места?

– Именно это я и хочу сказать.

– Ну так отправь туда мобильную группу, пусть проверят, в чем дело. И доложи! – он бросил трубку и стал ходить по кабинету. – Черт знает что происходит... Эти дикари угробят и меня, и себя... Их только огнем нужно... Не зря Ермолов тут всем головы рубил...

Полчаса он потратил на то, чтобы принять главного инженера, и на другие, привычные текущие заботы руководителя НИИ. А через тридцать минут услышал в трубке:

– Мобильная группа уничтожена. Уничтожен и экипаж патруля. Группа Стольников в пятистах метрах от стен «Миража».

– Что?.. – Ждан не поверил своим ушам. Удивление его

было настолько сильным, что вырвался глупый вопрос: – А почему вы уверены, что это группа Стольникова?..

– А что, у нас тут есть еще одна группа федералов, которая мочит моих людей?!

– Заткнись! Скорее всего это не группа, а ее остатки. Два-три человека! Отправь туда отделение, пусть прочешут «зеленку» и ее окраину!

И опустил трубку.

Стольников подошел к «Миражу». Чего-чего, а этого полковник от майора не ожидал. Скорее, думал Ждан, он поведет группу на штурм входа в тоннель – и это выглядело бы при всей уязвимости позиций майора самым разумным. Но Стольников повел людей к тюрьме. На что он рассчитывает?

Загадка ввела его в состояние азарта.

– Ты хочешь захватить «Мираж»? Но это же невозможно, товарищ майор! Там два батальона отморозков! Вас прибьют у ворот...

И вдруг его осенило.

– Стольников! Ты хочешь меня провести!.. Шумнуть у тюряги, а потом подкатить к входу в тоннель!.. Черт тебя задери, хитрец!..

Стольников пошумел, и теперь группа мчится к лабиринту – Ждан был уверен. Больше стрельбы у «Миража» не будет!

Ободренный догадкой, он сорвал трубку телефона. Ему был нужен комендант НИИ. Он же отвечал и за охрану «вок-

зала» у тоннеля.

– Еремеев, сколько у тебя людей?

– Тридцать двое.

– Это что за ответ?..

– Тридцать два.

– Вас кто сюда набирал для службы, Еремеев? Ибрагимов что, объявление на всех аулах Чечни вывесил: «Требуется на работу воин»?! – плюнув в урну, он оскалился и заставил себя успокоиться. В дебильности подчиненных убеждаешься тогда, когда ситуация выходит из-под контроля. А при спокойном течении службы все выглядят образованными и опытными. – Всех на ноги! Всех! Даже если кто-то сидит на очке – на посты! Минут через сорок Стольников предпримет попытку штурма входа в тоннель! Ты меня понял?

Он уложил трубку на рычаги и рассмеялся. А ведь буквально минуту назад он хотел приказать Еремееву оставить по два человека на посту и прибыть в НИИ с подразделением. Полковник чувствовал, что скоро ему понадобится подкрепление. А в НИИ – десяток спящих постовых, имеющих весьма отдаленное представление о войне.

Он перехитрит майора.

Ждан улыбался, вынимая из пачки сигарету. Стольникову не прорвать оборону «вокзала».

Его настроение изменится через сорок минут. Как раз этого времени, как считал Ждан, хватит Стольникову, чтобы привести группу от «Миража» к «вокзалу».

Раздался сигнал, и полковник снял трубку. Он хотел выслушать доклад о том, сколько боевиков убито и какие понесены потери. Принять это с возмущением, которого в нем не было ни капли, и готовиться к встрече майора на «вокзале». Но услышал то, что разрушило все его планы.

– Группа Стольников перебила отделение, Ждан! Ты там что, вообще никакой информацией не владеешь?! Почему я здесь должен сидеть на этой киче и смотреть, как умирают лучшие воины Аллаха?! Стольников забрал шестнадцать жизней лучших моих людей, и сейчас дорога к «Миражу» под полным его контролем! Я вывожу людей, полковник!..

– Подожди, подожди! – попытался остановить его Ждан. – Этого не может быть! Возможно, ты ошибся? Стольников не может сейчас перекрывать дорогу к «Миражу», он сейчас следует в НИИ!

– Ты его видишь? – раздался спокойный голос собеседника.

– Нет.

– А я, мать твою, его вижу! Его группа светится у края «зеленки» и ждет следующую группу, чтобы превратить всех в трупы! Кто сказал – их там всего двое?!

– Хорошо, – процедил Ждан. – Выведи какое-то количество своих людей и прищучь тех наглецов. Только я уверен, что это не группа Стольников.

– А кто тогда?!

Чеченец, связной в «Мираже», бросил трубку, не попро-

щавшись.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Ждан, растирая лицо ладонями. – Что происходит? Какого черта Стольников засел у дороги? Что он хочет? Чего я не знаю?

Он засыпал себя вопросами как одержимый.

Ждан чувствовал, что дело близится к скорой развязке. Но в чью пользу?

И он снова схватил трубку. Одиночество мешало ему оставаться спокойным. Он один в НИИ, и если майор тут появится...

Его обдало морозом очередной догадки.

– А, может, он уже здесь?.. Сомнительно, но все-таки...

А в трубке, которую он сжимал в опущенной руке, давно раздавался голос коменданта НИИ.

– Еремеев, оставить на постах по два человека, остальных немедленно – в НИИ! Прибудешь вместе с личным составом. Как понял?

– Понял отлично.

– Выполнять!

Ждан опустил в кресло. Проклятые исламисты! Они то-ропят, они выжимают все соки! Но даже не понимают, что за страну собираются использовать для уничтожения цивилизации! Хотя узнай они об Источнике, остановились бы? Вряд ли. Сначала им нужно уничтожить все, что было создано нормальными людьми. Это для них первоочередная задача, даже если бы им было известно об Источнике, они

прежде всего решили бы ее. А уже потом превратились бы в бессмертных и установили на планете свой порядок. То есть разницы для них нет никакой, поскольку первым делом им нужно исламизировать цивилизацию.

Ждан вспомнил, как попытался во второй раз выяснить хоть что-то о предметах, найденных им в Другой Чечне. Через два дня после визита к антиквару ноги привели его в Исторический музей...

* * *

Посетитель ходил по музею один и явно осматривал конкретно интересующие его экспонаты. Прикид тюркского воина вниманием не удостоил... У генеральского мундира времен Александра Первого потратил секунды на две больше. Нет сомнения, что его в большей степени интересует фотографическая съемка.

Ждан ходил за ним, стараясь не выглядеть навязчиво. Первый опыт получения информации научил его быть более сдержанным в требованиях. И вот он ходил за посетителем уже около часа, присматривался и раздумывал, правильно ли выбрал объект для разговора.

Когда изучение русской истории начала двенадцатого столетия через видеокамеру закончилось, и иностранец, последний раз оглядев территорию Бухарского ханства, двинулся в другой зал, Ждан решил действовать. Это была как

раз та историческая веха, которая требовалась для знакомства.

– Простите, это не вы обронуили?

Мужчина с видеокамерой сначала посмотрел по сторонам, словно убеждаясь в том, что обращаются именно к нему, когда же понял, что это так, повернулся к двадцатидолларовой купюре, протягиваемой ему незнакомцем.

– Нет, – коротко ответил он.

– Но она же выпала из кармана ваших брюк, – настаивал Ждан.

– Я не держу деньги в карманах брюк.

Ждан не смутился.

– Значит, я ошибся, и тем заработал двадцать долларов, – заметил он, пряча купюру в карман. – А вы неплохо разговариваете на русском.

– Было бы удивительно, если бы русский плохо разговаривал на родном языке.

– Тогда почему наших гидов вы называете «вашиими»?

– Послушайте, – поморщился мужчина с камерой, – вы не из тех проходимцев, которые предлагают неизвестные полотна Врубеля за тысячу долларов наличными?

Ждан заставил себя рассмеяться. Он признался, что зарабатывать такие деньги не прочь, более того, он не прочь зарабатывать их путем честной сделки, но за несколько часов гуляния по Музею не обнаружил еще ни одного, кто заинтересовался бы предметами времен, предположительно, Батия.

Или Мама. Он небольшой специалист.

— Батья? — не скрывая сарказма, выдавил иностранец. — А у вас таковые, разумеется, имеются?

— Разумеется, — тихо проговорил Ждан, и скользнул рукой в тесный карман брюк.

Иностранец забеспокоился. Провел взглядом по залу, покусал губу и отошел в сторону. Быть уличенным в чем-то нехорошем после пятилетней отлучки от родины казалось ему катастрофой. За подобный контакт в Ванкувере ему неминуемо грозил бы арест. Ровно пять лет он не был в России, и за эти годы в ней не изменилось ровным счетом ничего. Вот так, запросто, в музее мирового значения к человеку может подойти другой человек и предложить вещь возрастом порядка семисот лет. Иностранец пять лет преподавал русскую историю на кафедре Ванкуверского университета, и вляпаться в криминальную историю с трагическим концом в первые же сутки пребывания на исторической родине ему не улыбалось. Однако помимо понимания закона в каждом ученом живет любопытство. Он ничего не будет покупать, он просто посмотрит. Смотреть даже в России не запрещено. Визуальный осмотр обещанного предмета, который вынимает из кармана этот приличный на вид тип, ни к чему не обязывает. В том числе и к уголовной ответственности.

Переборов себя, он принял в руку теплую фланелевую тряпочку с чем-то крохотным, завернутым в нее, и на секунду замешкался.

– Я только посмотрю, вы понимаете?

Ждан понимал. Еще как понимал. Ему самому хотелось узнать, что это за монета. И не оторвался ли этот родовой амулет с цепочки какого-нибудь солдата, доставленного служить в НИИ из ближайшего аула. Поэтому лишь равнодушно пожал плечами, словно уверяя собеседника в том, что сразу после того, как тот посмотрит, у него мгновенно возникнет желание предметом осмотра обладать.

Уложив сверток на ладонь, иностранец осторожно развернул тряпочку. Развернул – и обомлел.

На его ладони лежал серебряный динар. В первые секунды осмотра иностранец мог датировать его как 1220 годом, так и 1280-м, но это не важно. Главное, он понял – динар настоящий. И мастерство русских умельцев современности тут ни при чем. Но тут же вспомнил прямо противоположное утверждение: самые великие мастера по изготовлению предметов старины – современные русские умельцы. В Питере, в далеком девяносто девятом, канадскому ученому уже предлагали рукописный приказ Василия Третьего. Купил. Уже в Ванкувере выяснилось, что бумага, действительно, начала шестнадцатого столетия, а недоумение появилось позже. В соответствии с полученным ответом на запрос стало ясно, что данный приказ по-прежнему находился в архиве и покидать его не собирался. Уж не черновик ли? – пришло в голову канадскому историку. Вскоре был установлен еще один курьезный момент. Бумага настоящая, начала шестнадцатого, а

вот чернила и написанное – конца двадцатого. Еще большее недоумение он испытал, когда выяснил, что продавший ему «приказ» товарищ – сотрудник исторического архива. Вскоре ученому все объяснили. У каждой книги есть титульные листы, которые свободны от какого-либо текста. Чтобы понять это, достаточно открыть первую попавшуюся под руку книгу. Этот лист изымается, и на нем пишется все, что угодно. Хоть явка с повинной Ивана Грозного Боярской думе по факту убийства собственного сына. Лист был выдран из книги тех времен, ловкая рука начертала на нем курсив Василия, после чего документ был удачно продан за пять тысяч долларов. Правда, не канадских, а американских. Но вторая сторона сделки к этой подмене отнеслась с большим спокойствием, нежели первая.

Вот и сейчас могло стать так, что динар серебряный, но отчеканен в пятой квартире второго дома на улице Ленивка. В пятистах метрах от Исторического музея, чтобы не ходить далеко. Ученый засомневался. Заволновался, хотя обманывать себя было все-таки трудно: ясный глаз специалиста видел, а мозг понимал – динар настоящий, времен царствования Батыя. В крайнем случае – Мамаю, что опять-таки не столь важно.

– И что вы хотите за монету? – спросил иностранец.

Ждан помедлил и, чуть дрогнув голосом, уточнил:

– За монету или за несколько десятков золотых, серебряных и бронзовых предметов того времени? Впрочем, не буду

против, если вы купите один серебряный динар. Я поиздергался...

Канадец чуть побледнел. Ему было безразлично смущение странного собеседника.

– Кто вы?

И только сейчас Ждан обратил внимание, что собеседник в очках. Обратил потому, что тот, подняв руку к лицу, снял их: едва заметные на лице, без оправы.

– Это не важно. Вы историк, и указание вам местонахождения этих предметов под землей, в которую не втыкалась лопата уже четыре столетия, может многое для вас означать. Я же хочу, чтобы вы гарантировали мне пятьдесят процентов стоимости всего того, дорогу к чему я вам укажу.

Зал чуть колыхнулся под ногами ученого.

– Назовите мне еще хотя бы один предмет из этой коллекции.

– Золотой калям писаря Покорителя Вселенной, – еще тише произнес Ждан. Сказал, и полез в карман за платком. – Хозяин этого добра, уже будучи слепым, погиб в одна тысяча шестьсот первом году...

– Я понял, о ком вы говорите, – спокойно сказал человек с камерой. Он уже заворачивал динар. – Я не занимаюсь мифами. Я историк действительности.

– Волею судеб я тоже... ученый, – поспешно заговорил Ждан. Он был отчасти прав, поскольку работал в научно-исследовательском институте, единственном в своем роде. –

Но я изгнан из официальной области, дающей мне право объявить о собственном успехе. А потому меня интересует лишь финансовая сторона вопроса. Пусть не пятьдесят процентов, пусть сорок. Заберите разницу вместе со славой себе!

Сказал и пожалел.

Динар, завернутый в тряпку, вернулся к нему, и иностранец двинулся дальше.

– Послушайте, я не знаю, как вас зовут... – Ждан, забыв о бдительности, поспешил за ним следом. – Это не миф. Я нашел его... Я не черный копатель, я самостоятельный ученый, лишенный обузы отчитываться перед бюрократическими государственными конторами. Почему вы мне не верите?! Вы ученый или аниматор, снимающий картины русских художников для создания мультяшек?!

Иностранец нужен был ему лишь для поисков на территории Другой Чечни. Он бы нашел способ привлечь его для работы, заинтересовать и склонить на свою сторону. Ему нужно было доказательство присутствия в Другой Чечне цивилизации Известной! А потом... а потом с этим ученым случилось бы то же, что и с врачом-ученым в НИИ. С учеными часто случаются несчастные случаи...

Но иностранец торопился удалиться от сумасшедшего самозванца, переходил в другую залу, но всякий раз тот настигал его и твердил о том, что является хранителем самой великой тайны истории.

– Послушайте... – не выдержал наконец канадец. Он остановился неподалеку от смотрительницы и устало забросил камеру за спину. – Убирайтесь прочь, иначе я обращусь в полицию.

Вторая попытка идентифицировать находки провалилась с тем же треском, что и первая...

Глава 3

Дольский и Лукьянов, вдоволь наслушавшись откровений девушки, окончательно утвердились в мысли, что Ирине нужна медицинская помощь. Дважды они, словно случайно, выходили на кухню и перебрасывались короткими фразами. Первым делом, решили они, нужно сообщить Ждану. Тот направит к Ирине доктора, который наверняка организует доставку девушки в Москву. Требовался квалифицированный психиатр, они это понимали. Было решено дожидаться, когда Ирина успокоится, после чего Лукьянов под предлогом проверить несение службы подразделением отправится к Ждану. Ирину нужно спасти. Смерть отца вызвала потрясение и повреждение рассудка, насколько могли судить капитаны, не специалисты в области психиатрии...

Но пока они пили чай, какой-то китайский, душистый.

– Вы должны организовать мне связь с Кремлем, – говорила Ирина, еще больше погружая капитанов в огорчение. Они помнили ее девушкой жизнерадостной и сильной. – Не знаю, как вы это сделаете, но это необходимо! А потом можете покинуть территорию института. Но помните! – без вашей поддержки в Москве меня никто не будет слушать, понимаете?

– Понимаем, – заверил Лукьянов, и девушка не заметила фальши.

Между тем офицеры понимали, что в таком состоянии Ирина не должна уезжать из НИИ. Неизвестно, что с нею приключится в дороге. Ждан сам организует доставку – было решено.

Они сидели в гостиной и пили чай.

Стрелки любимых генералом Зубовым напольных часов показывали начало пятого вечера, когда в прихожей раздался грохот. В комнату ворвалось несколько человек в форме, и над головой Ирины раздался хорошо знакомый ей металлический лязг – отец, когда был жив, любил водить ее с собой на стрелковые тренировки. Тот же лязг она слышала, оказавшись в водовороте событий в тюрьме «Мираж». Так звучат передергиваемые затворы оружия.

Раздалось три или четыре хлопка, и запахло удушливо-кислым.

Лукиянов рухнул со стула, и чашка, ударившись о паркет, раскололась. Чай выплеснулся и тут же, к ужасу Ирины, смешался с чем-то ярко-красным...

Капитан Лукиянов лежал под ногами девушки и в агонии тер ногами пол, словно пытался протереть в нем дыру. Стул, который он задевал при этом, двигался вперед, толкал стол и возвращался обратно, чтобы снова оказаться под ногой капитана...

Она слышала об этом, читала и каждый день видела по ТВ. С экранов и страниц книг лилась кровь, но Ирина не могла представить себе, насколько пусты и ничтожны быва-

ют авторы книг и фильмов, так просто изображающие смерть и боль. Вряд ли кто из них сам пережил то, на что обрекал своих героев. Девушка не могла поверить в то, что подобное может случиться именно с ней.

Но это случилось. Она выжила в аду «Миража» и была уверена, что больше с ней этого не произойдет. Хуже, чем было, уже не станет. И вот теперь все повторяется...

Бесстрашный Дольский дважды выстрелил у нее над головой в ответ на выстрелы неизвестных. Треск стекол шкафа и вскрик одного из ворвавшихся оглушил девушку и заставил сползти из кресла на пол. Она чувствовала, как ей на шею посыпались острые осколки.

А потом стрельба резко прекратилась.

Послышался невнятный звук – с той стороны, где сидел Дольский. Это хрустели на паркете осколки стекла. И прозвучал совершенно спокойный голос:

– Ты зачем стрелял, идиот?

И свистящий, уже неживой голос Дольского:

– Сдохнешь, тварь...

И раздалось еще несколько хлопков. В лицо девушки брызнуло что-то горячее. словно со сковородки.

Онемев от ужаса, Ирина заставила себя поднять голову.

Картина ее потрясла. Лукьянов с окровавленной головой лежал перед ней, и из-под него выползала, расширяясь и становясь все ярче, лужа крови. Алый ручей живой волной сползал с его затылка, правого виска и уходил куда-то за во-

ротник куртки. Дольский, испутивший дух последним проклятием, сидел ровно, уперев подбородок в грудь. Он был прошит пулями, багровый цвет залил его куртку. Ирине казалось, что она уснула и сейчас видит кошмарный сон, если бы вокруг нее не стояли незнакомые ей молодые люди и не смотрели на нее равнодушными глазами, какие бывают у людей только наяву.

– Ирина Зубова? – спросил один из них, понимая, что эта фраза не нуждается в переводе.

– Следуйте за нами. Во избежание недоразумений просим вести себя спокойно, – просипел один из них одной фразой. Стирая с лица кровавые потеки, он добавил: – Полковник Ждан будет рад видеть вас у себя в гостях.

«Ждан?! – сверкнуло в голове Ирины. – Я опоздала...»

Ее взяли за локоть, вывели из подъезда и повели к черному джипу без номеров.

Оказавшись на заднем сиденье «Шевроле Тахо», она увидела мужчину лет сорока – сорока пяти на вид: в сумраке тонированного салона угадать было сложно. Тот смотрел на нее без видимого удивления долго и пристально. Потом, когда колонна машин резко набрала скорость, промолвил:

– Здравствуйте. Мы едем в НИИ. Не совершайте в пути глупых поступков. Придется надеть вам мешок на голову, не обижайтесь. И ничему не удивляйтесь.

Мир рушился. Мир, который она построила своими грезами.

Поступки мужчин нельзя понимать разумом. Их нужно чувствовать. Видимо, она так и не научилась этого делать.

Мешок на ее голове ранее служил, видимо, пакетом для перевозки китайских саше с благовониями. Сорок минут, что длилась поездка, Ирина вдыхала аромат букета орхидей, жасмина и мяты.

С этим же мешком на голове ее вывели из машины, провели вниз по какой-то лестнице, где она подвернула ногу, потом громыхнул какой-то засов, а потом мешок исчез, и перед глазами появилась темнота, и сырой запах помещения без окон и дверей тут же заставил Ирину поморщиться.

– Черт возьми, что здесь делает женщина? – услышала она, но никак не могла рассмотреть говорившего. В мешке был хотя и тусклый, но свет. Сейчас же перед ней зияла могильная темнота. Незнакомцу в помещении было легче – привыкший к мраку взгляд его разбирал не только очертания предметов, но и их суть.

Голос не показался ей знакомым.

– Кто вы? – спросила она.

Незнакомец в джипе был прав. Все, что происходило с ней до сих пор, не должно было вызывать и намек на удивление.

– Моя фамилия Лоскутов. А кто вы?

– Я дочь генерал-полковника Зубова, Ирина.

– Что?..

– Почему вы удивлены?

Послышался звук, похожий на тот, который издает стул,

когда с него встает человек.

Через мгновение она увидела очертания человека.

– Я служил в оперативной бригаде особого назначения, когда полковник Зубов ею командовал.

– Значит... значит, вы знаете и майора Стольникова? – Ирина едва не задохнулась.

– Капитан Стольников был командиром разведвзвода, в котором я служил. Что вы здесь делаете?

– Меня сюда засадил Ждан.

– Ждан?!

– Вы и его знаете?

– Я знал лейтенанта Ждана. Славный парень.

– Теперь он – бесславный ублюдок полковник Ждан.

– У меня голова идет кругом, – признался Лоскутов, вернувшись к нарам и снова сел.

Ирине пришлось повторить все, что она перед этим рассказывала Дольскому и Лукьянову.

– Почему вы молчите? – спросила она, когда после ее рассказа повисла невероятно долгая пауза.

– Откуда мне знать, что вы не провокатор? Я забыл, как выглядит солнечный свет. Меня схватили в Москве, обездвижили, обкололи какой-то гадостью, и теперь я даже не знаю, где нахожусь. И первый, кого я встречаю за последние черт знает сколько дней – женщина, которая уверяет, что знает Зубова, Стольникову, и рассказывает мне истории, достойные докторской диссертации врача-психиатра.

– Поверьте, – взмолилась Ирина, – я не лгу вам!..

– Тогда расскажите мне что-нибудь о своем отце и Стольникове. Расскажите что-нибудь, чтобы я вам поверил.

Спустя час они беседовали уже более откровенно.

Глава 4

В жизнь Ирины ворвался вихрь новых ощущений. То, что рассказывал Лоскутов, не укладывалось в голове девушки в понятную, привычную для нее схему поведения мужчин. Прыгнув в Ялте со скалы, Стольников пришел на помощь женщине, и спас ей жизнь. Он летел с двенадцатиметровой высоты, не будучи при этом ни маститым пловцом, ни прыгуном, ни охотником за жемчугом. Он увидел смерть, прогуливающуюся по волнам рядом с беззащитной женщиной, и бросился со скалы. А когда приехали репортеры, спасатели и милиция, он быстро удалился. В тот год Стольников по приглашению Лоскутова приехал к нему домой в Ялту, и тут же его имя оказалось в ялтинской газетенке, в передовице с громоподобным названием «Неизвестный герой». Лоскутов рассказал, что Стольникова все-таки нашли, и даже вышел указ о награждении его медалью «За спасение утопающих», но капитан, как всегда, все испортил. Выйдя на плацу к трибуну и получив медаль, он сказал в микрофон: «Я не заслужил этой награды. Но, в конце концов, у меня гастрит, который я тоже не заслужил. Так что спасибо». Приехавший товарищ убыл в испорченном настроении, а Зубов потом от души выматерил капитана.

– Скажите, неужели у него не было той, к которой он привязался бы, ревновал, глумился из-за нее? – веря, что в по-

лумраке разглядеть ее пылающее лицо Лоскутов не сможет, спросила Ирина. – Боже мой, о мужчине судят по его отношению к работе и женщине! С работой все понятно, я уже имела честь убедиться, что Стольников умеет работать. Но почему он до сих пор не женат?

Лоскутов поморщился. Вообще, он морщился очень редко, исключительно в тех случаях, когда ему было больно. Но за последние две недели он выполнил уже годовую норму.

– Видите ли, Ирочка... Можно я вас буду так называть, уж коль скоро мы тут так близко сошлись?.. Стольников считает, что свадьба – это такой день в жизни человека, когда он одевается наиболее нарядно, чтобы прыгнуть обеими ногами в дерьмо. Я вот думал, как вам, женщине, объяснить наиболее доходчиво... и вот такой пример привел.

– Очень доходчиво, – согласилась она.

* * *

Прапорщик вывел группу к озеру через час после расставания с майором. Оставив Мамаева и Ермоловича на холме, остальным разрешил спуститься. Около четверти часа бойцы купались, отмывались, пили и набирали фляжки. Вероятно, озеро подпитывалось подземными источниками. Вода в нем была холодна, как в реках средней полосы России в конце апреля. Но это никого не останавливало.

– Как же не хочется теперь надевать на себя грязное! –

приглушенно воскликнул Баскаков. На берегу лежала пропитанная потом, почерневшая от копоти и крови – своей и чужой – одежда. Пожалуй, это была одна мысль на всех.

Заменив часовых, Жулин натянул на себя краповую тельняшку, зашнуровал ботинки. Получив приказ, он всю дорогу обдумывал план нападения на «Мираж». Отвлечь внимание Ждана от входа было правильным решением. Но как это решение осуществить? Тюрьма, отстроенная на месте Крепости, находилась на равнине. Одиннадцать лет назад к ней примыкала жидкая, но все-таки «зеленка». Но строительство пенитенциарного заведения заставило генерала Зубова выполнить все необходимые требования, предъявляемые к этому учреждению. «Зеленка» была уничтожена в радиусе пятисот метров – Олег это видел еще во время первого визита в «Мираж». Дорога от лабиринта до самых ворот тюрьмы была ровной как металлическая линейка и выглядела как беговая дорожка посреди футбольного поля. Ни одного дерева, за которым можно было укрыться и, следовательно, организовать засаду. Но дорога Жулина не беспокоила. Он не собирался нападать на транспорт. Вряд ли здесь вообще появится хоть одна машина. Тем не менее с дорогой нужно было что-то делать. В том смысле, что водитель и пассажиры первой же машины, которая проедет в сторону «Миража» или из него, увидят очень интересную картину: группа разведчиков в чистом поле делает вид, что ее нет. Удалиться от дороги означало приблизиться к «Миражу» с восточной стороны. А

Жулин помнил – именно с восточной стороны стена тюрьмы глухая и высокая. Сама попытка атаковать учреждение с востока выглядела глупо и могла натолкнуть обороняющихся на мысль, что группа имеет целью отвлечь внимание от какого-то другого события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.